

Самую роскошную и пышную церемонию в своей жизни Мао Сяофэй повидал в тот день, когда его выдавали замуж за князя Аньяна. Едва брезжил рассвет, как служанки и няньки уже принимались колдовать над его прической. С тех пор как его выбрали на эту роль, его ежедневно обхаживали: снимали мерки, кормили, поили и даже привели в порядок обломанные, шершавые ногти — память о долгих годах работы на кухне. Кое-кто особо ретивый даже порывался сбрить ему волосы на ногах. Он, глянув на свои худые, бледные голени, покрытые едва заметным пушком, впервые в жизни примерил на себя величественный тон будущей княгини-консорты и решительно пресек это безобразие.

С каждым днем он все больше походил на человека благородного сословия. Не зря говорят: «Красна птица перьями, а человек одеждой». Облаченный в просторные одеяния с широкими рукавами, увенчанный высоким головным убором и подпоясанный дорогим кушаком, Мао Сяофэй преобразился до неузнаваемости. Даже взыскательный князь Аньян, увидев его во всем блеске, застыл как вкопанный: парень казался раскаленным углем, выхваченным из серой золы, — настолько ярким и притягательным было это зрелище. Его лицо оказалось на редкость податливым для любых метаморфоз — стоило лишь приложить немного усердия и средств.

Но сейчас от бывшего величия не осталось и следа. Растянувшись звездой на мягком, теплом ложе молодого генерала Му Цаньшана, Мао Сяофэй сладко спал, приоткрыв рот, из которого на дорожную черную кожу пантеры стекала сонная слюна. Время от времени его лицо подергивалось во сне, а дыхание сопровождалось мерным, забавным посапыванием.

Наблюдая за этим зрелищем, Му Цаньшан недовольно поморщился. Наконец, потеряв всякое терпение, он взял чистое полотенце и брезгливо вытер чужие губы. Мао Сяофэй спал без всякого стеснения; на его щеках отпечатались постыдные красные полосы от подушки, а на лице блуждало выражение полнейшего блаженства. И тут перед мысленным взором генерала внезапно предстала недавняя сцена: израненный Мао Сяофэй под ударами плети... От этого воспоминания он почувствовал, как к щекам прилила жаркая кровь.

И надо же было такому случиться, что именно в этот миг Мао Сяофэй открыл глаза.

— А-а-а! — в ужасе завопил он, завидев того, кто склонился над ним, и судорожно дернулся.

Не удержавшись на краю, он мешком покатился с постели прямо на пол. От удара он почувствовал нестерпимую резь в раненой ноге, а в следующую секунду пробудились и свежие рубцы на спине. Боль была такой силы, что над военным лагерем разнесся истошный, душу раздирающий вопль:

— Ой-ёй-ёй! Больно! Мамочки, как же больно-о-о!

В ночной вышине, лениво взмахнув крыльями, над притихшими палатками пролетела ворона.

Уставившись на Му Цаньшана, Мао Сяофэй лихорадочно перебирал в голове один вариант ужаснее другого:

"Неужели ему показалось мало? Решил лично прирезать? И зачем надо было посреди ночи тащить меня в свою постель?"

В памяти Мао Сяофэя жители государства Цинси ассоциировались лишь с двумя образами. Первым был юный Наследник титула, прибывший когда-то со своим посольством в Страну Верхнюю Ци. В тот день ему поручили начистить целую гору картошки, так что поглазеть на знатных гостей ему не удалось. Зато вернувшиеся с улицы служанки и лакеи взахлеб обсуждали увиденное до самого вечера. За обедом только и разговоров было, что о заморском после. Счастливики наперебой хвастались перед остальными: мол, этот наследник титула до того хорош собой, что от него буквально сияние исходит. Вырядился во все красное, на голове золотой венец — вылитый бог богатства со старинной картины. Описание, конечно, присочинили для красного словца. Ведь он просил у императора руки самого князя Аньяна, так что сопливым ребенком он быть никак не мог.

Позже, во время своего недолгого пребывания в роли княгини-консорта, Мао Сяофэй убедился в собственной правоте. Наследнику титула исполнилось пятнадцать — по сути, еще совсем юнец, но умный и коварный не по годам. И это было вовсе не его предвзятым мнением: так о нем отзывался сам князь Аньян.

Мао Сяофэй тогда как раз увлеченно вырезал из крупного воскового кабачка фигуру Будды, желая блеснуть мастерством перед супругом. Князь, не заметив особого интереса к своим речам, заметно помрачнел. В его глазах он оставался неотесанной деревенщиной, не способной оценить тонкие чувства. Вечно мямлит, робеет, словно мышь перед сытым котом. А по вечерам, стоило заглянуть к нему во двор, он либо притворялся спящим, погасив свечи, либо торчал на кухне, прованивая гарью и сажей. Словом, напрочь портил романтический настрой.

Князь Аньян по природе своей быстро остывал к пассиям. Поначалу он думал, что Мао Сяофэй просто набивает себе цену. Но шло время, и становилось ясно: кроме стряпни, этот парень не смыслит ровным счетом ни в чем. Изящные искусства были для него темным лесом. Под нежную игру на цине он сладко засыпал, а во время театральных представлений принимался увлеченно щелкать семечки и болтать о рецептах. Как-то раз князь, бравший уроки у великого мастера скорописи, показал ему свой свиток. Мао Сяофэй долго вертел головой, пытаясь разобрать каракули, а потом простодушно заметил:

— Господин, вам бы прописи усерднее писать. Если вы отправите такой доклад императору, он ничего не поймет, и тогда всю нашу челядь, душ сто, точно казнят за неуважение.

Мао Сяофэй-то предупредил из лучших побуждений. Жизнь научила его горькой истине: заискивание перед сильными мира сего никогда не доводит до добра. Тот, кто тебя презирает, от твоей покорности не станет мягче — лишь пуще станет вытирать об тебя ноги. К тому же он прекрасно понимал, что долго на месте княгини-консорта не задержится. Вот только он не ожидал, что развязка наступит столь стремительно и по столь нелепому поводу.

— Все еще болит?

Этот негромкий вопрос заставил Мао Сяофэя вернуться с небес на землю. Молодой генерал стоял перед ним, и вид у него был, прямо скажем, суровый. Военный врач как раз закончил перевязку и теперь молча собирал свои склянки в ящик.

— Если бы в природе существовало лекарство, способное за секунду исцелить от побоев, я бы купил себе целый ящик, — проворчал Мао Сяофэй.

Хоть А-Ци до этого и смазал ему спину, он все-таки не был лекарем и не догадался как следует промыть раны. Сейчас, после забот профессионала, Мао Сяофэю действительно стало легче, но ноющая боль никуда не делась. Юноша бесцеремонно развалился на чужой постели, лениво повернувшись на бок. Сквозь наспех наложенные бинты проглядывало его худое, костлявое тело, заставив Му Цаньшана невольно отвести взгляд.

— В тот день... ты действительно спас мне жизнь, — ровным голосом произнес Му Цаньшан и, потянувшись, накрыл незваного гостя теплым одеялом с головой.

— Рад, что до тебя наконец дошло, — донесся из-под одеяла приглушенный голос Мао Сяофэя.
— Жаль только, память у тебя со скрипом работает.

Конечно, он понимал: генерал тогда лежал пластом, едва дыша, и вряд ли мог что-то запомнить. Но обида за несправедливую порку все еще саднила. Пускай за свою жизнь Мао Сяофэй привык к пинкам и напраслине, терпеть побои за доброе дело было чертовски обидно, и он просто не мог упустить случая съязвить.

— Спасение командира не отменяет того факта, что ты пытался дезертировать. Тридцать ударов плетью — минимальное наказание по уставу, так что все справедливо, — непреклонно отрезал Му Цаньшан. Несмотря на молодость, в его голосе уже звенела сталь бывалого военачальника.

Мао Сяофэй скривился:

— Вы тут главный, вам и карты в руки. Ладно, выкладывай, зачем звал? Сразу предупреждаю: мешки таскать я не могу, саблей махать не умею, человек я сугубо мирный. Если задумал припахать к какому-нибудь важному делу, то зря стараешься — толку от меня никакого.

— Никаких дел, — покачал головой Му Цаньшан. — Я умею ценить добро. Раз уж выяснилось, что ты мой спаситель, проси чего хочешь в награду.

— А уступишь мне свое генеральское кресло на пару дней? — ухмыльнулся Мао Сяофэй.

Му Цаньшан промолчал, лишь одарил его долгим, тяжелым взглядом.

— Ну вот, я так и знал, — вздохнул парень. — Все вы, господа начальники, горазды языком чесать, а как до дела доходит — сразу на попятную. Ладно-ладно, шучу я. Воевать я все равно не умею. Дай-ка подумать...

Мао Сяофэй подпер подбородок рукой и с лукавым прищуром уставился на собеседника.

— Генерал Му, я ведь родом из Страны Верхней Ци, из города Шаннань. В вашу армию меня затащили обманом. Я никогда не горел желанием проливать кровь за чужую родину. И скрывать не стану: в тот день я действительно бежал. А как иначе? Любой нормальный человек на моем месте попытался бы вернуться домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Кто же знал, что по дороге мне попадется полудохлый вояка...

Мао Сяофэй сделал паузу и покосился на Му Цаньшана. Тот заметно помрачнел, на его виске отчетливо запульсировала синяя жилка — верный знак сдерживаемого гнева.

— Короче говоря, ты передо мной в долгу, — подытожил Мао Сяофэй, лукаво прищурившись.

Молодому командиру еще никогда не приходилось общаться с подобным сбродом. Он вырос в военных лагерях, почти круглый год проводя в походах, и в мирских делах оставался сущим младенцем. Беззастенчивая наглость этого проходимца не разозлила его; напротив, в словах Мао Сяофэя ему почудилась странная, но весомая логика.

— Чего же ты хочешь? Золота? Или, быть может, теплое местечко при штабе? — спросил Му Цаньшан. Все, кто крутился вокруг него, искали либо легкой наживы, либо чинов.

— Выдели мне парочку сопровождающих, пускай доставят меня обратно в Страну Верхнюю Ци, — брякнул Мао Сяофэй. Он понимал, что просит невозможного, но попытка — не пытка.

Как и следовало ожидать, лицо генерала тут же налилось свинцом.

— Да шучу я, шучу, — поспешно пошел на попятную Мао Сяофэй и мгновенно посерьезнел. — После такой трепки мне месяца три нужно, чтобы кости срослись. Валяться без дела я с тоски помру. Как насчет того, чтобы поручить мне разведение кур?

— Кур? — Му Цаньшан окончательно убедился, что у его спасителя не все дома.

— Именно, — кивнул Мао Сяофэй. — Мудрый полководец знает: каждый солдат силен на своем месте. А от меня на передовой толку — как от козла молока, меня там в первом же бою прихлопнут. Я тут пригляделся к вашей лагерной кухне... Кормят отвратительно, повара у вас безрукие. Если так пойдет и дальше, даже самые brave вояки отощат и ноги протянут. Чтобы конь мчался стрелой, его нужно кормить отборным овсом, смекаешь?

Слова звучали грубо, но резон в них был. Му Цаньшан задумчиво нахмурился:

— Снабжение из столицы задерживают. Сейчас мы существуем лишь за счет того, что удастся раздобыть в окрестностях. Поскольку объявлено перемирие, грабить чужие обозы мы не можем. А здешний край, юго-западная окраина Цинси, малонаселен. Пожиться тут особо нечем.

— Проблема серьезная, но решаемая, — живо отозвался Мао Сяофэй. — Можно расчистить пустоши под костры, распахать землю да разбить огороды. Рис или пшеницу вырастить не успеем, а вот неприхотливую кукурузу, репу да батат — запросто. Хотя какое-то подспорье для желудка.

— Ты и в земледелии смыслишь? — на сей раз генерал удивился искренне. Судя по повадкам, этот трусливый дезертир казался обычным уличным пройдохой, не обремененным никакими полезными навыками.

— Сам-то я не великий мастер, но дело нехитрое, справлюсь. К тому же среди твоих новобранцев полно вчерашних крестьян, которые всю жизнь на чужих полях спину гнули. Они в этом деле любого за пояс заткнут, так что пахать самому мне не придется. Овощи — штука хорошая, но растут долго. Пока суть да дело, можно прочесать окрестные леса на предмет дичи, ягод да грибов. Хотя какое-то разнообразие. А то от ваших казенных пресных лепешек меня уже с души воротит.

— Меня тоже, — едва заметно поморщился Му Цаньшан. Он редко выдавал свои эмоции, и по этому мимолетному движению бровей было видно, что он крайне раздражен.

— Вот поэтому нам позарез нужны куры, — продолжил гнуть свою линию Мао Сяофэй. — Курица — это и яйца, и наваристый бульон. Раненым сейчас нужно восстанавливать силы, особенно мне. — Заметив, что генерал не спешит спорить, он довольно прищурился: — Тут я мастак, уж поверь. Дашь мне шанс доказать это на деле?

— И это вся твоя награда?

Мао Сяофэй лишь неопределенно пожал плечами — мол, решай сам. Молодой генерал явно принадлежал к той редкой породе простодушных людей, которые не держат камня за пазухой. Мао Сяофэй обожал таких: их было невероятно легко обводить вокруг пальца. Впрочем, сейчас он никого не обманывал. Пускай его главным мотивом было желание поплотнее набить собственное брюхо мясом, это решение шло на пользу всему лагерю.

Му Цаньшан немного подумал и кивнул. Поколебавшись, он все же дал согласие и даже разрешил Мао Сяофэю взять в помощники любых пятерых солдат на его усмотрение.

— Посмотрим, что из этого выйдет, когда ты встанешь на ноги, — произнес Му Цаньшан. — Но если у тебя ничего не получится...

— Тогда можешь смело гнать меня на передовую, под вражеские стрелы. Все равно убивать я

не умею, — развел руками Мао Сяофэй.

— Когда прижмет — научишься, — веско обронил генерал.

От долгого разговора Мао Сяофэй разморился. Му Цаньшан хотел было спросить что-то еще, но парень уже уткнулся лицом в подушку и безмятежно засопел. Приближался час Тигра. Генерал привык вставать на рассвете и ложиться за полночь; то, что его постель оказалась бесцеремонно занята, его почти не задевало. Он молча сидел на краю лежа, разглядывая спящего чужака из Шаннаня. Тот причмокивал губами во сне и то и дело порывался повернуться на бок, но, потревожив израненную спину, тихонько стонал и снова ложился на живот, поджимая под себя худые колени.

Взгляд Му Цаньшана упал на грудку тряпья, сиротливо валявшуюся на звериной шкуре у кровати. Если кто-то войдет и увидит этот беспорядок, бог весть что подумает. Будучи человеком до крайности аккуратным, терпеть не могущим хаоса, генерал наклонился, чтобы собрать чужие лохмотья. Подбирая грубую холщовую рубаху, он нащупал в кармане что-то твердое. Поначалу он потянул вещицу без всякого интереса, но, едва взглянув на нее, застыл на месте.

Он медленно обернулся и посмотрел на спящего. Тот пускал слюни на дорожную подушку, его лицо покраснело от тепла, выдавая юный возраст. В этом нелепом, взъерошенном парне не было ни капли изящества — обычный уличный замарашка.

Му Цаньшан усомнился в собственном зрении. Он принялся вертеть в руках деревянный жетон с вырезанным именем «Мао Сяофэй», бережно ощупывая едва заметные бороздки. Стоило ему прикрыть глаза, как в памяти отчетливо всплыл изящный узор в виде цветка орхидеи, в точности повторяющий позолоченную резьбу на жетоне. Его взгляд стал острым и холодным, но за этой суровостью внезапно проступили странное смятение и тревога. Генерал стремительно, словно его ужалили, поднялся и вышел из шатра.

Спустя всего несколько минут в палатку явились двое солдат, бесцеремонно растолкали сонного Мао Сяофэя и на носилках утащили его обратно в барак.

Мао Сяофэй проснулся, когда солнце уже стояло высоко в зените, так и не заметив пропажи. Он привык жить впроголодь и не иметь за душой ни гроша, поэтому редко проверял свои карманы. Все его мысли сейчас были заняты обещанными курами, но избитая спина ныла так немилосердно, что ему оставалось лишь утыкаться носом в тюфяк и тихонько скулить.

Лишь через пару недель Мао Сяофэй смог наконец навестить своих подопечных. Долгожданная встреча ознаменовалась тем, что едва юноша присел на корточки, дабы осмотреть птиц, как одна особо шустрая пеструшка с ходу взлетела ему прямо на плечо.

Понаначалу он не придал этому значения, пока по правому плечу не разлилось подозрительное тепло, сопровождаемое резким, ни с чем не сравнимым ароматом свежего птичьего помета.

Мао Сяофэй взвыл, сцапал наглую курицу поперек туловища и с ругательствами сдернул ее на землю под испуганное, оглушительное кудахтанье.

<http://bllate.org/book/18429/1786138>